

УДК: 332.021(98)(481-922.1)(045)

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.127

Шпицберген в контексте военной безопасности в Арктике *

© ТОДОРОВ Андрей Андреевич, кандидат юридических наук, научный сотрудник

E-mail: atodorov85@gmail.com

ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Аннотация. В статье описывается краткая история реализации положений Парижского договора 1920 г. о Шпицбергене с акцентом на вопросы военной безопасности, анализируется место Шпицбергена в современной военно-политической обстановке в Арктике, а также оценивается вероятность вовлечения архипелага в военный конфликт в будущем. Несмотря на демилитаризованный статус Шпицбергена, оценку роли островов в контексте военной безопасности в Арктике усложняет ряд факторов. Во-первых, Норвегия придерживается узкой интерпретации положения Договора 1920 г. о запрете его использования в военных целях, не считая за нарушение заход военных кораблей в порты архипелага, пролёт военных самолётов над его территорией и другие действия, что расходится с российской позицией. Во-вторых, развитие технологий, особенно «двойного» назначения, поставило вопрос о допустимости использования военными некоторых объектов на Шпицбергене: прежде всего это касается использования в военных целях данных, полученных с расположенных на архипелаге объектов космического мониторинга. В-третьих, на фоне роста военно-политической неопределённости в Арктике Шпицберген всё чаще стал вплетаться в наихудшие сценарии развития ситуации в регионе как место, представляющее ключевой интерес для России и одновременно являющееся потенциально уязвимым для НАТО. Вместе с тем исследование доказывает минимальную вероятность военного конфликта по поводу Шпицбергена. Основными аргументами является доминирование вопросов экономического взаимодействия в отношениях государств по поводу архипелага, а также осознание сторонами существенных рисков в случае начала конфликта на Шпицбергене.

Ключевые слова: Шпицберген, Арктика, Россия, Норвегия, военная безопасность в Арктике, Договор о Шпицбергене, НАТО, вооружённые силы.

Svalbard in the Context of Arctic Security

© **Andrey A. TODOROV**, Cand. Sci. (Law), research fellow

E-mail: atodorov85@gmail.com

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article studies Svalbard's role in the Arctic security agenda, the history of the implementation of the Paris Treaty 1920 with the emphasis on its security provisions, as well as the risks of engaging Svalbard in a military conflict in the region. Despite the demilitarized status of Svalbard, the evaluation of its role in the hard security situation in the Arctic is hampered by several factors. First, Norway sticks to a narrow interpretation of the Treaty 1920 provision that bans any use of the archipelago for warlike purposes. Norway does not consider such actions as the entry of military ships in Svalbard's ports, overfly of military aircraft, and some other, contradicting with the Russian position, a violation of the Treaty. Second, the development of technologies, particularly of "dual" use, has posed the question of whether the application of some objects situated on Svalbard by the militaries — primarily the stations of space monitoring — are legitimate. Third, as the political uncertainty in the Arctic rises, Svalbard has been more often involved in the worst-case scenarios for the region — as a place vitally important for Russia and simultaneously represent-

* Для цитирования:

Тодоров А.А. Шпицберген в контексте военной безопасности в Арктике // Арктика и Север. 2020. № 39. С. 127–143. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.127

For citation:

Todorov A.A. Svalbard in the Context of Arctic Security. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 39, pp. 127–143. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.127

ing potential vulnerability for NATO. At the same time, the author argues that the threat of a military conflict over Svalbard is minimal. The international Svalbard agenda is dominated by economic issues, whereas the stakeholders stay aware of the significant risks in case of a military conflict on Svalbard.

Keywords: *Svalbard, Arctic, Russia, Norway, Arctic security, Svalbard Treaty, NATO, armed forces.*

Введение

В последние годы военно-политическая обстановка в Арктике претерпевает существенные изменения. Государства по-прежнему считают конфликтный потенциал региона низким и не видят на Крайнем Севере проблем, которые могут потребовать силового решения [1, Загорский А.В., с. 9]. В то же время Арктика всё в большей мере становится заложником общего ухудшения отношений России и Запада. На фоне свёртывания диалога по военной линии риторика официальных представителей властей ряда арктических государств приобретает агрессивный характер, растёт взаимное недоверие по отношению к военной активности сторон в регионе. Всё громче становятся голоса тех экспертов, которые представляют Арктику как арену противостояния ведущих мировых держав и место развёртывания новой гонки вооружений, возвращая регион в условия времён холодной войны [см., напр., 2, Huebert R.]. В рамках такого (несколько искажённого и неполного) видения Крайний Север рассматривается скорее не как отдельный регион со своей спецификой и проблемами, а прежде всего как важная составляющая глобального соперничества Соединённых Штатов, России и Китая за расширение своего мирового влияния.

В этих условиях Шпицберген занимает особое место. В текущем году отмечается столетний юбилей заключения Договора о Шпицбергене, закрепившего уникальный правовой статус архипелага. Одним из ключевых его положений является запрет на использование Шпицбергена в военных целях. Казалось бы, это положение должно извлекать архипелаг из обсуждений вопросов региональной военной безопасности. Однако такое допущение представляется чрезмерным упрощением ситуации. За сто лет существования Договора 1920 г. накопился ряд вопросов, вызывающих взаимные обвинения России и Норвегии в нарушении положений о демилитаризации Шпицбергена и, как следствие, определённую напряжённость между странами. Также не следует забывать, что Шпицберген, являясь суверенной территорией государства-члена НАТО, располагается в непосредственной близости от базирующихся на Кольском полуострове стратегических ядерных сил сдерживания России и прикрывающих их сил Северного флота. Дополнительную неопределённость вносит недовольство некоторых других государств (помимо России) узкой интерпретацией Норвегией Договора 1920 г. в части, касающейся хозяйственной деятельности в водах архипелага. Означают ли эти факторы, что Шпицберген должен быть вовлечён в оценку военно-политической обстановки в Арктике на общих основаниях или же особый правовой статус служит надёжной гарантией наличия у архипелага иммунитета от любых обострений? Автор статьи предлагает свой ответ на данный вопрос.

Договор о Шпицбергене и история вопроса

Шпицберген представляет собой группу островов, расположенных между континентальной частью Норвегии и Северным полюсом. Расположение архипелага, безусловно, имеет военно-стратегическое значение. Омываемый незамерзающими водами, архипелаг «лежит» в непосредственной близости от важных коммуникационных путей, используемых военными кораблями и подводными лодками для перемещения между Атлантическим и Северным Ледовитым океанами, а также от места базирования российских сил ядерного сдерживания.

Несмотря на это, история освоения Шпицбергена и эволюция его правового статуса были связаны не со стратегическими соображениями, а прежде всего с экономическими возможностями архипелага. Существуют версии, что русские поморы добывали морского зверя и пушнину на Шпицбергене уже в X–XI вв. [3, Адров Н.М., с. 107]. В XVII в. богатый на живые ресурсы Шпицберген привлекал купцов из Англии, Нидерландов, других стран и был предметом конфликтов между ними. Промысел китов и моржей пришёл в упадок к концу XVIII в. по причине практически полного истребления их популяций. Начиная со второй половины XIX в. интерес к Шпицбергену стали проявлять угольные компании различных государств, что привело к организации на островах постоянных поселений. Добыча угля стала основным видом экономической деятельности на архипелаге, однако превратилась в убыточную в конце 1920-х гг. в результате послевоенной экономической рецессии и падения цен на уголь [4, Numminen L., с. 7–8]. С 1930-х гг. СССР / Россия и Норвегия — фактически единственные страны, поддерживающие постоянное экономическое присутствие на Шпицбергене [5, Касиян А.С., с. 20].

Правовой статус Шпицбергена долгое время не был оформлен документально. В силу суровости местного климата странам, претендовавшим на суверенитет над островами (к таковым относились английское и датско-норвежское королевства), было сложно поддерживать свои претензии «эффективной оккупацией» [6, Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К., с. 15]. К XIX в. Шпицберген приобрёл статус *terra nullius* («ничья земля») [7, Churchill R., Ulfstein G., с. 552]. Это положение предполагало, что он не был подчинён суверенитету какого-либо государства, но одновременно любая страна имела право доступа к нему и осуществления там экономической деятельности. Однако интересы угольных промышленников, укрепившихся на архипелаге к этому времени, требовали найти выход из сложившегося «правового вакуума». В этих условиях Норвегия, получив независимость от Швеции в 1905 г., предложила другим заинтересованным странам установить новый правовой режим Шпицбергена, основываясь на его статусе «ничьей земли»¹. Переговоры по этому вопросу после нескольких неудачных попыток прошли в 1919 г. на Парижской мирной конференции и увенчались заключением Парижского договора о Шпицбергене [7, Churchill R., Ulfstein G., с. 553].

¹ Притязания Швеции-Норвегии на суверенитет над Шпицбергеном были официально зафиксированы в Соглашении между Россией и Швецией — Норвегией 1872 г. Более подробно см. [6, Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К].

Не имея цели описать все особенности Парижского договора, отметим его ключевые положения². В соответствии с договором, стороны признают «полный и абсолютный суверенитет» Норвегии над архипелагом Шпицберген (ст. 1). Вместе с тем документ закрепляет ряд важных условий. Главное из них — стороны имеют равный доступ для осуществления экономической деятельности на островах и в их территориальных водах (ст. 2, 3). Что касается вопросов военной безопасности, договор содержит лишь одно непосредственно относящееся к ним положение. Согласно статье 9, Норвегия обязуется не создавать и не допускать создания какой-либо военно-морской базы или укреплений в районе действия договора, а любое использование архипелага в военных целях запрещается.

Несмотря на лаконичность Договора в отношении военно-стратегических аспектов правового статуса архипелага, участники Парижской конференции, безусловно, осознавали важность недопущения любой возможности использования Шпицбергена в немирных целях. В частности, представитель Норвегии Фриц Ярлсберг подчёркивал необходимость предотвращения создания Германией военно-морской базы на островах [8, Koivurova T., Holiencin F., с. 133]. Хотя Шпицберген не был театром военных действий в период Первой мировой войны, Франция, Великобритания и США на переговорах в Париже были также настроены принять меры по пресечению возможной экспансии Германии и других стран на архипелаге [8, Koivurova T., Holiencin F., с. 133].

Статья 9 Парижского договора и статус Шпицбергена как демилитаризованной зоны (или «почти» демилитаризованной — см. след. раздел) оставались незыблемыми и не нарушались вплоть до Второй мировой войны и немецкой оккупации Норвегии в 1940 г. [9, Порцель А.К., с. 79]. С началом войны каждая из воюющих сторон попыталась использовать выгодное стратегическое расположение архипелага в своих целях. К августу 1941 г., после переговоров между союзниками, было принято решение эвакуировать население Шпицбергена усилиями английской эскадры [9, Порцель А.К., с. 83]. После завершения эвакуации в Баренцбурге расположился английский десант. В 1941 г. немцы также отправили на архипелаг свои войска, соорудили временные запасные аэродромы, а во фьордах Шпицбергена укрывались немецкие подводные лодки [9, Порцель А.К., с. 83]. Архипелаг использовался Германией как опорная база для перекрытия важных морских путей и нападения на регулярные союзнические конвои, направляющиеся в Архангельск и Мурманск [9, Порцель А.К., с. 84]. С 1942 г. союзные войска предпринимали ряд попыток выбить немцев из Шпицбергена. В июле 1942 г. немецкий гарнизон в Лонгиербюене был атакован норвежским десантом. В октябре 1942 г. англичане установили на архипелаге три корабельных орудия у Баренцбурга и Лонгиербюена. В 1943 г. немецкие корабли огнём корабельной артиллерии разрушили посёлки Лонгиербюен, Баренцбург и Грумант. В конце войны на Шпицбергене расквартиро-

² Договор о Шпицбергене от 9 февраля 1920 г. [Treaty of 9 February 1920 relating to Spitsbergen (In Russ.)]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/multilateral_contract/-/storage-viewer/multilateral/page-202/51519 (дата обращения: 07.05.2020).

вывались небольшие воинские группировки Норвегии и СССР [8, Koivurova T., Holiencin F., с. 136].

Ход Великой Отечественной войны наглядно продемонстрировал руководству СССР военно-стратегическую важность Шпицбергена. Как отмечал нарком иностранных дел В. М. Молотов в конце войны, «для Советского Союза и его безопасности на Севере имеет исключительно большое значение тот выход в океан на западе, который идёт мимо Шпицбергена» [9, Порцель А.К., с. 86]. Особое значение советские власти придавали о. Медвежий³ — самому южному из островов, вошедших в состав архипелага в соответствии со статьёй 1 Парижского договора. С 1944 г. СССР намеревался договориться с Норвегией о предоставлении нашей стране возможности построить на острове военно-морскую базу для обеспечения безопасности плавания кораблей Северного Флота [9, Порцель А.К., с. 86]. В этом же году Молотов предложил Норвегии установить совместный советско-норвежский кондоминиум над Шпицбергенем, а также обозначил претензии СССР на остров Медвежий [6, Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К., с. 45]. Это означало приглашение пересмотреть Парижский договор, хотя Советский Союз присоединился к нему в 1935 г., а ещё ранее в 1924 г. признал норвежский суверенитет над архипелагом [11, Зарецкая О.В., с. 104]. В ответ норвежцы аккуратно сослались на то, что изменение статуса архипелага требует проведения консультаций со всеми странами-участницами договора о Шпицбергене 1920 г. [11, Зарецкая О.В., с. 105].

Однако с окончанием войны и последующим изменением военно-политической обстановки обсуждение предложенного СССР изменения статуса архипелага «забуксовало». Окончательную точку в этом вопросе поставило решение Норвегии присоединиться к НАТО в апреле 1949 г. В 1951 г. Шпицберген был включён в сферу компетенции военного командования НАТО, на что СССР ответил дипломатической нотой протеста о нарушении статьи 9 Парижского договора [8, Koivurova T., Holiencin F., с. 137]. В ответ Норвегия заверила Москву, что не намерена сооружать на Шпицбергене военные базы или использовать его в военных целях и не допустит подобных действий от других стран [8, Koivurova T., Holiencin F., с. 137]. Это стало первым из череды последующих случаев, ставших основанием для появления различных трактовок положений Парижского договора о демилитаризованном статусе Шпицбергена.

Проблемы применения Договора о Шпицбергене к современным военно-политическим реалиям

С определёнными оговорками можно утверждать, что суверенитет Норвегии над архипелагом сегодня широко признаётся и никем не оспаривается [12, Pedersen T., с. 149]. В то же время очевидно, что за сто лет, истекших с даты подписания Договора о Шпицбергене, ситуация в мире претерпела существенные изменения. В наибольшей степени ситуацию на

³ Особую стратегическую значимость о. Медвежий для России подчёркивало и дореволюционное руководство страны. См. [10, Деканозов Р.В., с. 183].

Шпицбергене затронули сдвиги в мировой экономике и обслуживающих её положениях международного права. По объективным причинам Договор 1920 г. не мог урегулировать некоторые важные вопросы хозяйственной деятельности государств в прибрежных водах Шпицбергена, возникшие в более поздний период. Это привело к тому, что начиная с 1970-х годов между Норвегией и другими заинтересованными странами возникли существенные противоречия по вопросу о том, какова юридическая природа морских пространств за пределами территориальных вод, омывающих архипелаг, и как должна регулироваться осуществляемая там экономическая деятельность. Суть споров заключается в том, что Норвегия не признаёт действие Договора 1920 г. за пределами территориальных вод Шпицбергена и считает законным осуществлять свои суверенные права и юрисдикцию в морских районах архипелага в соответствии с современным международным морским правом без оглядки на ограничения, предусмотренные Парижским договором. В противовес норвежской позиции другие государства выработали сложную мозаику различных, в чём-то взаимоисключающих толкований. Какие-то государства признают распространение на морские районы вокруг Шпицбергена правовых институтов, возникших после 1920 г. (в первую очередь положений об исключительной экономической зоне и континентальном шельфе), другие — нет (или частично не признают); какие-то страны считают при этом, что Договор 1920 г. с его положениями о недискриминационном доступе всех государств и их праве осуществлять экономическую деятельность применяется к морским районам за пределами территориальных вод, другие — нет⁴. Как следствие — наличия противоречий, в водах Шпицбергена нередко происходили задержания норвежской Береговой охраной рыболовецких судов России, Исландии, Испании [6, Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К., с. 55]. Также в последние годы обострились отношения Евросоюза и Норвегии по поводу выдачи квот на вылов снежного краба в районе Шпицбергена [более подробно см. 13, Østhagen A., Raspotnik A.]. Вопрос о статусе и режиме морских районов Шпицбергена не решён до сих пор.

Хотя и в меньшей степени по сравнению с экономическими, военно-стратегические положения Договора о Шпицбергене также подвергаются испытанию временем. С 1920-х гг. произошли существенные трансформации в военно-стратегической обстановке, развивались военные технологии, способы и тактика ведения военных действий, менялась в целом та оперативная среда, с которой вооружённые силы сталкиваются в процессе своего функционирования. Очевидно, что положения Парижского договора уже не могут в полной мере отражать современные военно-политические реалии. Это служит причиной появления у государств различных мнений относительно применения положений статьи 9 Договора о Шпицбергене к некоторым сложным современным ситуациям. Проблему усугубляет отсутствие в

⁴ Более подробно см. Тодоров А. Договор о Шпицбергене: яркая мозаика интерпретаций. РСМД <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dogovor-o-shpitsbergene-yarkaya-mozaika-interpretatsiy/> (дата обращения: 07.05.2020).

Договоре каких-либо юридических механизмов для верификации деятельности государств как ненарушающей мирный характер использования архипелага.

Прежде всего следует отметить, что существуют различные точки зрения по вопросу о демилитаризации Шпицбергена. Так, норвежцы считают неправильным толкование статьи 9 Парижского договора как закрепляющей полную демилитаризацию Шпицбергена, поскольку данное положение вводит запрет лишь на осуществление конкретных действий: размещение военно-морских баз или укреплений, использование архипелага в военных целях. Следовательно, всё, что не охватывается этими действиями, должно быть разрешено [14, Ulfstein, G.]⁵. Например, как отмечалось выше, включение Шпицбергена в компетенцию НАТО не рассматривается Норвегией как нарушение договора. Норвегия оставляет за собой право на проведение оборонительных операций в рамках договорённостей союзников по НАТО, включая реализацию положений статьи 5 Североатлантического договора о коллективной обороне в случае вооружённого нападения на архипелаг⁶. Кроме того, норвежцы не считают нарушающим Парижский договор заход кораблей ВМС и Береговой охраны Норвегии в порты Шпицбергена, а также визиты военного персонала Норвегии на архипелаг⁷.

Напротив, Россия, как и СССР, считает Шпицберген полностью демилитаризованным [10, Деканозов Р.В.]. В 1958–1959 гг. СССР опротестовал планы Норвегии по сооружению на архипелаге военных аэродромов под видом «гражданских» [10, Деканозов Р.В., с. 187]. В 1965 г. СССР был серьёзно озабочен намерением Норвегии установить телеметрическую станцию по наблюдению за космическими объектами, которая, по мнению Советского Союза, могла быть использована в военных целях [10, Деканозов Р.В., с. 187]. После этого СССР и другим странам была предоставлена возможность проводить инспектирование станции вплоть до её закрытия в 1974 г. [8, Koivurova T., Holiencin F., с. 137].

В силу своего расположения Шпицберген представляет собой удобное место для проведения космических исследований и запуска коммерческих спутниковых проектов. В этих условиях вопрос о возможности двойного использования расположенных на Шпицбергене радаров и станций космического наблюдения возникал не один раз. Так, в конце 1990-х — начале 2000-х разгорелись дискуссии относительно назначения и потенциальных возможностей использования радара EISCAT Svalbard Radar (объект расположен вблизи Лонгиербюена и создан с целью изучения верхних слоёв атмосферы и взаимодействия Солнца с Землёй), полигона для метеорологических ракет SvalRak (Ню-Олесунн), и др. [8, Koivurova T., Holiencin F., с. 137]. Некоторые российские СМИ заявили, что данные объекты могут быть ис-

⁵ См. Ulfstein, G. 1995. *The Svalbard Treaty: from terra nullius to Norwegian sovereignty*. Oslo: Scandinavian University Press.

⁶ Norwegian Ministry of Justice and Public Security, 'Svalbard', Report to the Storting (White Paper), Meld. St. 32 (2015–2016), May 2016, pp. 21. URL: <https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/meld.-st.-32-20152016/id2499962/sec1> (дата обращения: 07.05.2020).

⁷ Norwegian Ministry of Justice and Public Security, 'Svalbard', Report to the Storting (White Paper), Meld. St. 32 (2015–2016), May 2016, pp. 21–22. URL: <https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/meld.-st.-32-20152016/id2499962/sec1> (дата обращения: 07.05.2020).

пользованы в военных целях, например, для измерения траектории полётов межконтинентальных баллистических ракет, запускаемых с военных кораблей Северного флота, отслеживать передвижения российских спутников и т.д.⁸ Такие же опасения были выражены в 2000 г. в статье вице-адмирала М.В. Моцака, являвшегося на момент публикации статьи начальником штаба Северного флота [15, Моцак М.В.]. В западных СМИ также велись дискуссии о том, что следует считать военным использованием спутниковой станции SvalSat на Шпицбергене. Например, в 2010 г. в СМИ высказывались подозрения, что снимки песчаной бури в Ираке, сделанные с помощью SvalSat, были использованы армией США для планирования военной операции в стране [4, Numminen L., с. 16]. Норвежский МИД отрицал нарушение Договора 1920 г., аргументируя тем, что пользование данными о погодных условиях, пусть даже военным штабом, не противоречит положениям Договора [4, Numminen L., с. 16].

В целом, как представляется, сложные вопросы, касающиеся потенциальной «двойной» направленности некоторых видов деятельности на Шпицбергене, будут появляться и в будущем — по мере того, как развивающиеся технологии и военная мысль будут всё дальше удаляться от реалий эпохи Парижского договора. Возможно, смягчению такого рода проблем способствовало бы налаживание многостороннего механизма инспектирования деятельности государств на архипелаге и диалога на предмет её соответствия положениям Договора о демилитаризованном статусе Шпицбергена (например, создание специальной комиссии из представителей стран-участниц Договора 1920 г.).

К этому остаётся добавить, что Шпицберген, к сожалению, не смог избежать последствий украинского кризиса 2014 г. Ярким подтверждением этого явился скандал вокруг посещения вице-премьером России Дмитрием Рогозиным Баренцбурга в 2015 г. во время пересадки на Шпицбергене в целях дальнейшего перелёта на дрейфующую полярную станцию «Северный полюс-2015». Поскольку Д. Рогозин находился в санкционных списках Норвегии и его приезд произошёл на фоне резкого ухудшения отношений между Западом и Россией, власти Норвегии отреагировали на него достаточно болезненно. МИД Норвегии посчитал визит Рогозина провокацией и вызвал российского посла в Норвегии для объяснений⁹. Вскоре после этого, в августе 2015 г., Норвегия ужесточила национальные правила в отношении порядка депортации граждан со Шпицбергена: с этого момента губернатор Шпицбергена обязан депортировать лиц, в отношении которых приняты международные меры, ограничивающие передвижение, к которым присоединилась Норвегия (такое нововведение Рос-

⁸ Риветов П. Шпицберген — форпост НАТО под носом России. Куда смотрит Путин? Правда.ру от 19.04.2003. URL: https://www.pravda.ru/politics/838627-shpicbergen_forpost_nato_pod_nosom_rossii_kuda_smotrit_putin/ (дата обращения: 07.05.2020).

⁹ Trellevik A. Russia Has Always Challenged Norway on Svalbard. This Time, Parts of Its Criticism is Different. Highnorthnews, 10 February 2020. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/russia-has-always-challenged-norway-svalbard-time-parts-its-criticism-different> (дата обращения: 07.05.2020).

сия назвала дискриминационным)¹⁰. Двумя годами позже, в 2017 г., Россия ответила своим протестом на планы Норвегии провести на архипелаге Шпицберген мероприятие по линии Парламентской ассамблеи НАТО¹¹, хотя Королевство проводило подобные мероприятия по линии до этого (такая сессия имела место, например, в 2004 г.¹²), не вызывая претензий со стороны России.

Роль Шпицбергена в развитии военно-политической обстановки в Арктике

Сегодня можно с уверенностью констатировать, что украинский кризис 2014 г. и последующее за ним ухудшение отношений между Россией и Западом, к сожалению, оказали определённое негативное влияние на ситуацию в области безопасности в Арктике. Одним из наглядных подтверждений этого стало то, что после событий 2014 г. был прерван процесс формирования инклюзивной региональной архитектуры сотрудничества по вопросам безопасности в регионе [1, Загорский А.В., с. 11]. Так, было приостановлено участие России во встречах начальников генеральных штабов арктических стран, Круглого стола по вопросам арктической безопасности на уровне старших офицеров ВМС и Береговой охраны арктических государств, НАТО также свернул контакты с Россией по военной линии [16, Загорский А.В., с. 99]. Из всех площадок по вопросам безопасности в Арктике в полном составе продолжает функционировать лишь Арктический форум Береговых охран, хотя он не занимается вопросами «жёсткой» безопасности [17, Тодоров А.].

Несмотря на то, что вероятность военного конфликта в Арктике по-прежнему оценивается государствами региона как низкая, а военно-политическая обстановка — как стабильная [1, Загорский А.В., с. 113], сворачивание диалога по военной линии привело к нарастанию агрессивной риторики между представителями государств и субъективных представлений экспертов об эскалации конфликтного потенциала в регионе. Ситуация в Арктике и модернизация военной инфраструктуры России всё чаще рассматривается прежде всего с точки зрения возможностей нашей страны проецировать военную силу из региона на соседние страны и способности последних принимать ответные меры. Несмотря на заявленный Россией оборонительный характер реализуемой военной программы, на Западе опасаются наступательного потенциала некоторых военных объектов и просчитываются наихудшие сценарии развития военно-политической обстановки в Арктике¹³.

¹⁰ Интервью с Генеральным консулом России на Шпицбергене В.Г. Николаевым // Русский вестник Шпицбергена. 2016. № 2 (22). С. 8. URL: https://www.arcticugol.ru/files/rvsh/2016/rvsh_N2_22_2016.pdf (дата обращения: 07.05.2020).

¹¹ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с планируемым проведением на Шпицбергене мероприятия по линии Парламентской ассамблеи НАТО? 19 апреля 2017 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2732562?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=ru_RU (дата обращения: 07.05.2020).

¹² Информация на сайте ПИР-Центра от 10 августа 2004 г. URL: <http://пир-центр.рф/index.php?id=1248&news=752> (дата обращения: 07.05.2020).

¹³ См, напр., Matthew Melino, Heather A. Conley. The ice curtain: Russia's arctic military presence. Center for strategic and international studies. URL: <https://www.csis.org/features/ice-curtain-russias-arctic-military-presence>; Mark

Значительный вклад в такое видение Арктики внесла администрация президента США. С приходом Дональда Трампа к власти Вашингтон по-другому расставил акценты в своём видении военно-политической обстановки в регионе. Это нашло отражение в недавно принятых арктических стратегиях Министерства обороны¹⁴ и Береговой охраны¹⁵ США, в которых к главным угрозам страны в Арктике причислены те, которые вытекают из соперничества США с Россией и Китаем. Об этом же открыто говорил госсекретарь М. Помпео на министерской встрече стран-участниц Арктического совета в Рованиеми в мае 2019 г.¹⁶ Надо признать, что руководство России не осталось в долгу и в обновлённых основах государственной политики в Арктике зафиксировало «наращивание иностранными государствами военного присутствия в Арктике и возрастание конфликтного потенциала в регионе» в качестве одной из угроз национальной безопасности в регионе¹⁷.

Несмотря на особый правовой статус Шпицбергена как демилитаризованной (пусть и с различными интерпретациями такого статуса) зоны, описанные негативные тенденции в определённой степени распространяются и на него. На Западе в экспертной среде всё чаще обсуждаются наихудшие сценарии развития военно-политической ситуации в Арктике с вовлечением архипелага. Один из таких сценариев предполагает, что Россия захочет воспользоваться тем, что Шпицберген находится на периферии внимания НАТО и что многие члены Альянса не захотят быть втянутыми в крупный конфликт из-за архипелага. В таком случае допускается захват Россией островов для обеспечения большей свободы маневрирования Северного флота и блокирование ей доступа в регион силам НАТО [18, Wither J.K., с. 28]. Согласно другому варианту развития событий, оккупация российскими войсками архипелага происходит как одно из возможных последствий конфликта в Балтийском регионе. Исследование, в котором описывался данный сюжет¹⁸, выявило потенциальные трудности Норвегии при реагировании на подобное развитие событий и в качестве вывода предположило, что единственным шансом Королевства его предотвратить будет существенное увеличение воз-

Episkopos, "How Russia Is Getting Ready for War in the Arctic; Or, At the Very Least, Increasing Its Military Capabilities," *National Interest*, December 1, 2018. URL: <https://nationalinterest.org/blog/buzz/how-russia-getting-ready-war-arctic-37667>; Tom O'Connor, "Russia Gets New Missiles Designed for War in Arctic as U.S. Military Looks North," *Newsweek*, November 26, 2018. URL: <https://www.newsweek.com/russia-new-missiles-war-arctic-us-looks-north-1231985> (дата обращения: 07.05.2020).

¹⁴ Report to Congress. Department of Defense Arctic Strategy. — Washington: Department of Defense, 2019. P. 2. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jun/06/2002141657/-1/-1/1/2019-DOD-ARCTIC-STRATEGY.PDF> (дата обращения: 07.05.2020).

¹⁵ United States Coast Guard Arctic Strategic Outlook. — Washington: United States Coast Guard, 2019. 45 p. 4. URL: https://safety4sea.com/wp-content/uploads/2019/04/USCG-Arctic-Strategic-Outlook-2019_04.pdf (дата обращения: 07.05.2020).

¹⁶ Trellevik A. USA Launches Head-On Verbal Attack on Russia and China. *High North News*, 7 May, 2019. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/usa-launches-head-verbal-attack-russia-and-china> (дата обращения: 07.05.2020).

¹⁷ Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года».

¹⁸ Keyser-Amundsen C. 'Kampen om Svalbard, 2030: Norsk eller russik dominans?' ['Battle for Svalbard, 2030: Norwegian or Russian Dominance?'], *Militære Studier [Military Studies]*, 2016, No. 1. URL: <https://fhs.brage.unit.no/fhs-xmlui/handle/11250/2380941> (дата обращения: 07.05.2020).

возможностей подводного флота и противовоздушной обороны, в частности вооружение подлодок и боевых самолётов крылатыми ракетами дальнего радиуса действия. По мнению автора, тем самым Норвегия повысит риски для Москвы при планировании ей возможной атаки на Шпицберген.

Как отмечают другие западные исследователи, более реалистичными сценариями являются те, которые предполагают скрытые или гибридные операции на Шпицбергене¹⁹. К таким вариантам относят теоретическое силовое вторжение России на архипелаг под предлогом необходимости защиты своего рыболовного флота или законных интересов российских субъектов, работающих на островах [18, Wither J.K., с. 35]. Подобное вторжение могло бы происходить под видом отправки большой партии «учёных» и «гражданских» грузов, скрывающих военное оборудование и технику²⁰. К слову, осенью 2019 г. некоторые СМИ сообщали о событиях, напоминающих такой сценарий: согласно данным утверждениям, на Шпицберген высадился российский спецназ в гражданской одежде в рамках учений Северного флота²¹. Однако официального подтверждения информация не получила. Посольство РФ в Осло назвало данное сообщение «фейком и грубой провокацией»²².

Ещё один сценарный сюжет — попытка России возродить идею времён конца Великой отечественной войны о создании «военного кондоминиума» на Шпицбергене. В качестве общего для всех подобных сценариев элемента отмечается возможное намерение России спровоцировать политический кризис среди членов НАТО, посеять между ними семена раздора относительно необходимости коллективного реагирования на такие действия в рамках статьи 5 Североатлантического договора и тем самым укрепить свои геополитические позиции [18, Wither J.K., с. 35].

Однако если отбросить субъективные настроения в отношении Шпицбергена, ставшие в последние годы заметно пессимистичными, насколько велика вероятность военного конфликта на архипелаге? Сразу оговоримся при этом, что речь не идёт о широкомасштабном противостоянии России и западных стран, в котором Арктика и Шпицберген будут хоть и важным, но лишь одним из многих театров военных действий. Как показывает история, в таких случаях ни один международный договор не застрахован от грубых нарушений, и Шпицберген вполне вероятно может быть использован сторонами конфликта в своих целях в той же степени, в какой он использовался во времена Второй мировой войны. *Однако если говорить о конфликтах, спровоцированных непосредственно противоречиями между госу-*

¹⁹ См., напр., Baev P. 'The Arctic Superpower: Factors Shaping Russia's Arctic Policy', remarks on Conference Panel 1 at Center for Strategic and International Studies (CSIS), 9 May 2018. URL: <https://www.csis.org/analysis/arctic-future-strategic-pursuit-or-great-power-miscalculation-panel-i> (дата обращения: 07.05.2020).

²⁰ Keyser-Amundsen C. 'Kampen om Svalbard, 2030: Norsk eller russisk dominans?' ['Battle for Svalbard, 2030: Norwegian or Russian Dominance?'], Militære Studier [Military Studies], 2016, No. 1. С. 69, URL: https://mcr.libguides.com/ld.php?content_id=32739145 (дата обращения: 07.05.2020).

²¹ Брицкая Т. «По работе ездили». Новая Газета, 2 октября 2019 г. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/10/02/82194-po-rabote-ezdili> (дата обращения: 07.05.2020).

²² Эксперт прокомментировал фейк о российском спецназе в Норвегии. РИА Новости, 30 сентября 2019 г. URL: <https://ria.ru/20190930/1559271978.html> (дата обращения: 07.05.2020).

дарствами по поводу Шпицбергена и способных вылиться в более масштабные столкновения, вероятность этого, по нашему мнению, крайне низка. В качестве аргументов, подкрепляющих данный тезис, можно упомянуть следующее.

Хотя Норвегия получила Шпицберген в результате заключения международного договора, архипелаг является полноценной суверенной территорией Королевства, а значит охватывается общим внешнеполитическим курсом страны. Несмотря на непростые времена в отношениях Запада и России, Норвегия продолжает оставаться ключевым партнёром нашего государства на Крайнем Севере. В своей политике Королевство стремится балансировать между необходимостью обеспечить национальную безопасность за счёт своего участия в НАТО и желанием развивать стабильные и взаимовыгодные отношения с Россией в ключевом для себя Баренцевоморском регионе по таким вопросам, как рыболовство, добыча минеральных ресурсов, пограничный контроль, реагирование на аварийные ситуации, в том числе в районе Шпицбергена²³. Официальная позиция Норвегии — Россия сегодня не воспринимается как угроза²⁴. Неудивительно поэтому, что Норвегия остаётся единственной страной НАТО, которая сохранила горячую линию с Россией по военным вопросам между своим Объединённым штабом в Будё и командованием Северного флота России [18, Wither J.K., с. 33].

Шпицберген не упоминается в официальных документах Норвегии при описании угроз военной безопасности в Арктике²⁵. Также не существует официальных свидетельств того, что возможность вторжения России, традиционного или гибридного, на Шпицберген или его использования в военных целях всерьёз рассматривается и в НАТО [18, Wither J.K., с. 36]. Одна из очевидных причин этого — трезвая оценка Норвегией и партнёрами по НАТО рисков и последствий для России нападения на территорию страны-участницы НАТО.

Подобно Норвегии и НАТО, Россия не считает Шпицберген поводом для беспокойства в контексте оценки военно-политических рисков в регионе. Как подчёркивается в новых Основах политики России в Арктике, обеспечение российского присутствия на архипелаге на условиях равноправного и взаимовыгодного сотрудничества с Норвегией и другими государ-

²³ Интервью с министром иностранных дел Норвегии И.М. Эриксен Сёрэиде "Local Cooperation With Russia is Underestimated, says Ine Eriksen Søreide". Highnorthnews, March 1, 2019. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/local-cooperation-russia-underestimated-says-ine-eriksen-soreide> (дата обращения: 07.05.2020).

²⁴ Eriksen Søreide I. NATO and the North Atlantic. PRISM, vol. 6, no. 2. URL: <https://cco.ndu.edu/PRISM/PRISM-Volume-6-no-2/Article/835074/nato-and-the-north-atlantic-revitalizing-collective-defense-and-the-maritime-do/> (дата обращения: 07.05.2020).

²⁵ См., напр., последний доклад 2019 г. разведслужбы Норвегии FOCUS-2019. URL: https://forsvaret.no/fakta/_ForsvaretDocuments/focus2019_english_web.pdf (дата обращения: 07.05.2020); также Norway's Arctic Strategy — between geopolitics and social development. Oslo: Norwegian Ministries, 2017. URL: <https://www.regjeringen.no/contentassets/fad46f0404e14b2a9b551ca7359c1000/arctic-strategy.pdf> (дата обращения: 07.05.2020); Norwegian Armed Forces in transition. Strategic defence review by the Norwegian Chief of Defence. Abridged version. Norwegian Armed Forces, 2015. P. 5. URL: http://isbirligi.ssm.gov.tr/Lists/Duyurular/Attachments/103/Norway%20Strategic_Defence_Review_2015_abridged.pdf (дата обращения: 07.05.2020).

ствами является одной из главных внешнеполитических задач в Арктике²⁶. Правда, нельзя игнорировать тот факт, что в докладе Минобороны «О комплексной оценке состояния национальной безопасности РФ в области морской деятельности в 2016 году» в качестве угрозы национальным интересам названо стремление Норвегии к установлению «абсолютной национальной юрисдикции над архипелагом Шпицберген и прилегающей 200-мильной акватории»²⁷. Однако речь в данном случае идёт скорее об экономико-правовых аспектах деятельности России на архипелаге, которые традиционно доминируют в шпицбергенской повестке, а не о вопросах военной безопасности.

Превалирование экономических вопросов над проблемами военной безопасности в двусторонних отношениях Норвегии и России по поводу Шпицбергена чётко прослеживается и в дипломатическом послании МИД России, адресованном Осло по случаю 100-летнего юбилея Парижского договора²⁸. В приведённом в документе кратком обзоре претензий России к Норвегии речь идёт исключительно о норвежских мерах, затрагивающих хозяйственную деятельность российских субъектов на архипелаге. К ним относится введение Норвегией ограничений на использование вертолёт «Арктикугля» (норвежский закон не позволяет использование вертолёт на архипелаге в туристических целях²⁹), дискриминационный, по мнению России, порядок депортации граждан со Шпицбергена, «искусственное» расширение природоохранных зон, а также «неправомерность установления Норвегией так называемой “рыбоохранной зоны”» и другие проблемы.

*Что касается возможного перерастания в военный конфликт имеющихся между странами противоречий по поводу интерпретации Парижского договора в отношении экономической деятельности в водах Шпицбергена, вероятность такого развития ситуации минимальна*³⁰. Для Норвегии и России, как и других стран, развитие сотрудничества в области управления трансграничными рыбными запасами, разведки и добычи минеральных ресурсов, предотвращения угроз невоенной безопасности (поиск и спасание, реагирование на разливы нефти, пресечение незаконной деятельности) представляется слишком большой ценностью для того, чтобы пожертвовать ей ради получения сомнительных преимуществ в случае вступления в открытый военный конфликт.

Наглядными примерами стремления сторон удерживать разногласия в дипломатическом измерении могут служить инциденты второй половины 1990-х — начала 2000-х гг. с за-

²⁶ Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года, утв. Указом Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164.

²⁷ Джорджевич А., Сафронов И., Козлов Д. Геополитика в помощь снабжению. Коммерсантъ, 3 октября 2017 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3428044> (дата обращения: 07.05.2020).

²⁸ О послании Министра иностранных дел России С.В. Лаврова Министру иностранных дел Норвегии И.М. Эриксен Сёрэйде по случаю 100-летия подписания Договора о Шпицбергене. МИД России, 4 февраля 2020 г. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4019093 (дата обращения: 07.05.2020).

²⁹ Интервью с Генеральным консулом России на Шпицбергене С.С. Гуциным. // Русский вестник Шпицбергена. 2019. № 1 (39). С. 7. URL: https://www.arcticugol.ru/files/rvsh/2019/rvsh_N1_39_2019.pdf (дата обращения: 07.05.2020).

³⁰ С этим утверждением согласны и западные эксперты. См. [19, Bailes A., с. 35; 20, Jensen, Ø., Rottem S.V., с. 80].

держанием норвежской Береговой охраной российских судов (задержания «Чернигова», «Новокуйбышевска» и др.) [6, Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К., с. 79], включая резонансное дело «Электрона», «сбежавшего» в российские воды с норвежским инспектором на борту [21, Pedersen T., с. 252]. Степень напряжения в тот период была настолько высока, что в какой-то момент Россия прибегла к помощи военных кораблей Северного флота для защиты интересов своих рыбаков [6, Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К., с. 79]. Однако страны сумели не допустить эскалации конфликта. Не отказываясь от своей позиции в отношении 200-мильной рыбоохранной зоны вокруг Шпицбергена, Осло тем не менее шёл навстречу стремлению России к двустороннему регулированию промысла в водах архипелага, в частности в рамках Смешанной российско-норвежской комиссии [6, Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К., с. 87]. И хотя у российских рыбаков остаются претензии к Норвегии [22, Зиланов В.К., с. 41], странам удаётся удерживать диалог в конструктивном русле. Не последнюю роль в этом играет постоянный контакт между береговыми охранами и рыболовными ведомствами государств [см. 23, Østhagen A.].

Заключение

В целом, если не считать неизбежного вовлечения Шпицбергена в крупнейшую в истории мировую войну, можно констатировать, что Договор о Шпицбергене выдержал испытание временем. Его демилитаризованный статус оставался незыблемым в непростые времена Холодной войны и развернувшегося в те годы противостояния мировых держав.

В то же время на сегодняшний момент накопился ряд сложных вопросов относительно применения положений Договора, запрещающих использование Шпицбергена в военных целях. В отличие от России, Норвегия считает, что заход военных кораблей в порты архипелага и пролёт военных самолётов над территорией не нарушает условий Договора. Кроме того, среди государств и экспертов ведутся дискуссии о том, насколько использование современных космических технологий «двойного» назначения, развёрнутых на Шпицбергене, вписывается в установленные в 1920 г. правовые рамки. Как представляется, ввиду вероятного увеличения числа таких спорных вопросов в будущем, устранению или хотя бы смягчению противоречий между сторонами могло бы способствовать создание многостороннего механизма верификации деятельности государств на архипелаге на предмет её соответствия положениям Договора о демилитаризованном статусе Шпицбергена и налаживание регулярного диалога между заинтересованными странами.

Несмотря на то, что после 2014 г. военно-политическая обстановка в Арктике в целом стала подвержена негативному влиянию общего ухудшения отношений между Россией и Западом, вероятность военного конфликта по поводу Шпицбергена оценивается нами как минимальная. Главными основаниями для такого утверждения является трезвая оценка странами НАТО и Россией существенных рисков в случае начала военного конфликта на Шпицбергене, а также отчётливо выраженное превалирование экономических вопросов над

проблемами военной безопасности в отношениях государств по поводу архипелага. Россия и Норвегия многие годы были и остаются заинтересованы во взаимовыгодном совместном использовании природных богатств Шпицбергена и его акваторий, а также других преимуществ, предоставляемых архипелагом. Хотя между странами существуют противоречия по поводу интерпретации Парижского договора в отношении экономической деятельности в водах Шпицбергена, до сих пор споры удавалось удерживать под контролем и урегулировать с помощью дипломатических средств. Представляется, что такое стремление будет доминировать и в будущем.

Литература

1. Загорский А.В. Безопасность в Арктике. М.: ИМЭМО РАН, 2019. 114 с. DOI:10.20542/978-5-9535-0570-3
2. Huebert R. The New Arctic Strategic Triangle Environment (NASTE) // *Breaking the Ice Curtain? Russia, Canada, and Arctic Security in a Changing Circumpolar World*. Ed. by Lackenbauer P.W. and Lalonde S. Calgary: Canadian Global Affairs Institute, 2019. Pp. 75–93.
3. Адров Н.М. Исследования Баренцева моря за 1000 лет. Мурманск: Пресс, 2002. 186 с.
4. Numminen L. A history and functioning of the Spitsbergen Treaty. In *The Spitsbergen Treaty: Multilateral Governance in the Arctic*. Ed. by Wallis D., Arnold S. Arctic Papers, 2011. 40 p.
5. Касиян А.С. Вопрос о Шпицбергене в российско-норвежских отношениях (1870–е–1953) // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия “Гуманитарные и социальные науки”*. 2013. № 1. С. 16–22.
6. Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К. Шпицберген: правовой режим прилегающих морских районов. Москва: СОПС, 2006. 162 с.
7. Churchill R., Ulfstein G. The Disputed Maritime Zones around Svalbard // *Changes in the Arctic Environment and the Law of the Sea*, 2010. Pp. 551–593.
8. Koivurova T., Holiencin F. Demilitarisation and Neutralisation of Svalbard: How Has the Svalbard Regime Been Able to Meet the Changing Security Realities During Almost 100 Years of Existence? // *Polar Record*. 2017. Vol. 53. No. 2. Pp. 131–142. DOI:10.1017/S0032247416000838
9. Порцель А.К. Борьба за Шпицберген в годы Второй мировой войны // *Новейшая история России*. 2015. № 2. С. 78–90.
10. Деканозов Р.В. Демилитаризация и нейтрализация Шпицбергена // *Советский ежегодник международного права. 1966–1967*. Ассоциация международного права. М.: Наука, 1968. С. 181–194.
11. Зарецкая О.В. Вопрос о статусе Шпицбергена в советско-норвежских отношениях в 1945–1947 гг. // *Общество: философия, история, культура*. 2017. № 4. С. 104–106. DOI: 10.24158/fik.2017.4.25
12. Pedersen T. Norway’s rule on Svalbard: Tightening the grip on the Arctic islands // *Polar Record*. 2009. No. 45 (02). Pp. 147–152. DOI:10.1017/S0032247408007973
13. Østhagen A., Raspotnik A. Crab! How a dispute over snow crab became a diplomatic headache between Norway and the EU // *Marine Policy*. 2018. No. 98. Pp. 58–64. DOI:10.1016/j.marpol.2018.09.007
14. Ulfstein G. *The Svalbard Treaty: from terra nullius to Norwegian sovereignty*. Oslo: Scandinavian University Press, 1995. 572 p.
15. Моцак М.В. О национальных интересах России в Арктике // *Военная мысль*. 2000. № 6. С. 8–10.
16. Загорский А.В. Нестратегические вопросы безопасности и сотрудничества в Арктике. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 104 с. DOI: 10/20542/978-5-9535-0492-8.
17. Тодоров А. О работе Арктического форума береговых охран // *Arctic Review*. 2018. № 4. С. 67–68.

18. Wither J.K. Svalbard, NATO's Arctic 'Achilles' Heel' // *The RUSI Journal*. 2018. No. 163:5. Pp. 28–37. DOI: 10.1080/03071847.2018.1552453
19. Bailes A. Spitsbergen in a sea of change. In *The Spitsbergen Treaty: Multilateral Governance in the Arctic*. Ed. by Wallis D., Arnold S. Arctic Papers, 2011. 40 p.
20. Jensen Ø., Rottem S.V. The politics of security and international law in Norway's Arctic waters // *Polar Record*. 2010. No. 46 (236). Pp. 75–83.
21. Pedersen T. The Dynamics of Svalbard Diplomacy // *Diplomacy & Statecraft*. 2008. No. 19:2. Pp. 236–262. DOI: 10.1080/09592290802096299
22. Зиланов В.К. Арктическое разграничение России и Норвегии: новые вызовы и сотрудничество // *Арктика и Север*. 2017. № 29. С. 28–56. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.29.28
23. Østhagen A. Managing Conflict at Sea: The Case of Norway and Russia in the Svalbard Zone // *Arctic Review on Law and Politics*. 2018. Vol. 9. Pp. 100–123. DOI: 10.23865/arctic.v9.1084

References

1. Zagorskiy A. *Bezopasnost v Arktike* [Arctic Security]. Moscow, IMEMO Publ., 2019. 114 p. DOI:10.20542/978-5-9535-0570-3 (In Russ.)
2. Huebert R. The New Arctic Strategic Triangle Environment (NASTE). *Breaking the Ice Curtain? Russia, Canada, and Arctic Security in a Changing Circumpolar World*. Calgary: Canadian Global Affairs Institute, 2019. pp. 75–93.
3. Adrov N.M. *Issledovaniya Barentseva morya za 1000 let* [Study of the Barents Sea for 1000 years]. Murmansk, Press Publ., 2002. 186 p. (In Russ.)
4. Numminen L. A history and functioning of the Spitsbergen Treaty. *The Spitsbergen Treaty: Multilateral Governance in the Arctic*. Helsinki, Arctic Papers, 2011. 40 p.
5. Kasiyan A.S. Vopros o Shpitsbergene v rossiisko-norvezhskikh otnosheniyakh (1870-e–1953) [The Spitsbergen Issue in the Russian-Norwegian Relations (1870s–1953)]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye i sotsial'nye nauki"* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Ser.: "Humanitarian and Social Sciences"], 2013, no. 1, pp. 16–22.
6. Vylegzhanin A.N., Zilanov V.K. *Shpitsbergen: pravovoi rezhim prilgayushchikh morskikh raionov* [Spitzbergen: legal regime of the adjacent maritime areas]. Moscow, SOPS Publ., 2006, 162 p. (In Russ.)
7. Churchill R., Ulfstein G. The Disputed Maritime Zones around Svalbard. *Changes in the Arctic Environment and the Law of the Sea*, 2010, pp. 551–593.
8. Koivurova T., Holiencin F. Demilitarisation and Neutralisation of Svalbard: How Has the Svalbard Regime Been Able to Meet the Changing Security Realities During Almost 100 Years of Existence? *Polar Record*, 2017, vol. 53, no. 2, pp. 131–142. DOI:10.1017/S0032247416000838
9. Portsel' A.K. Bor'ba za Shpitsbergen v gody Vtoroy mirovoy voyny [The battle for Spitzbergen during World War II]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia], 2015, no. 2, pp. 78–90.
10. Dekanozov R.V. Demilitarizatsiya i neytralizatsiya Shpitsbergena [Demilitarisation and neutralisation of Spitsbergen]. *Sovetskiy ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 1966–1967* [Soviet Yearbook of International Law (1966–1967)]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 181–194. (In Russ.)
11. Zaretskaya O.V. Vopros o statuse Shpitsbergena v sovetsko-norvezhskikh otnosheniyakh v 1945–1947 gg. [Spitsbergen's Status Issue in the Soviet Union-Norway Relations in 1945–1947]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture], 2017, no. 4. pp. 104–106. DOI: 10.24158/fik.2017.4.25
12. Pedersen T. Norway's rule on Svalbard: Tightening the grip on the Arctic islands. *Polar Record*, 2009, no. 45 (02), pp. 147–152. DOI:10.1017/S0032247408007973
13. Østhagen A., Raspotnik A. Crab! How a dispute over snow crab became a diplomatic headache between Norway and the EU. *Marine Policy*, 2018, no. 98, pp. 58–64. DOI:10.1016/j.marpol.2018.09.007
14. Ulfstein G. *The Svalbard Treaty: from terra nullius to Norwegian sovereignty*. Oslo, Scandinavian University Press, 1995. 572 p.
15. Motsak M.V. O natsional'nykh interesakh Rossii v Arktike [National interests of Russia in the Arctic]. *Voennaya mysl'* [Military thought], 2000, no. 6, pp. 8–10.

16. Zagorskiy A. *Nestrategicheskie voprosy bezopasnosti i sotrudnichestva v Arktike* [Conventional security and cooperation in the Arctic]. Moscow, IMEMO Publ., 2016, 104 p. DOI: 10/20542/978-5-9535-0492-8. (In Russ.)
17. Todorov A. O rabote Arkticheskogo foruma beregovykh okhran [The work of the Arctic Coast Guards Forum]. *Arctic Review*, 2018, no. 4, pp. 67–68.
18. Wither J.K. Svalbard, NATO's Arctic 'Achilles' Heel. *The RUSI Journal*, 2018, no. 163:5, pp. 28–37. DOI: 10.1080/03071847.2018.1552453
19. Bailes A. Spitsbergen in a sea of change. *The Spitsbergen Treaty: Multilateral Governance in the Arctic*. Arctic Papers, 2011, 40p.
20. Jensen, Ø., Rottem S.V. The politics of security and international law in Norway's Arctic waters. *Polar Record*, 2010, no. 46 (236), pp. 75–83.
21. Pedersen T. The Dynamics of Svalbard Diplomacy. *Diplomacy & Statecraft*, 2008, no. 19:2, pp. 236–262. DOI: 10.1080/09592290802096299
22. Zilanov V.K. Arkticheskoe razgranichenie Rossii i Norvegii: novye vyzovy i sotrudnichestvo [Delimitation between Russia and Norway in the Arctic: new challenges and cooperation]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2017, no. 29, pp. 28–56. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.29.28
23. Østhagen A. Managing Conflict at Sea: The Case of Norway and Russia in the Svalbard Zone. *Arctic Review on Law and Politics*, 2018, vol. 9, pp. 100–123. DOI: 10.23865/arctic.v9.1084

Статья получена 07.05.2020.